

Потенция мысли

Джорджо Агамбен

Перевод с итальянского *Дарьи Фарафоновой* выполнен по изданию: *Agamben G. La potenza del pensiero // La potenza del pensiero. Saggi e conferenze*. Vicenza: Neri Pozza, 2005. P. 273–287.

Джорджо Агамбен. Европейская высшая школа (EGS),
Саас-Фе, Швейцария. gioagamben@yahoo.it.

Данная публикация — первый перевод на русский язык ключевого для понимания философского проекта Джорджо Агамбена текста. Впервые представленный в форме доклада на конференции в Лиссабоне в 1987 году, этот текст известен широкому читателю под названием *On Potentiality*, под которым он был опубликован в англоязычном сборнике *Potentialities* (1999). Предлагаемый читателю перевод выполнен по расширенному и уточненному варианту текста, который на итальянском языке впервые был опубликован в сборнике 2005 года. Статья представляет собой развернутый комментарий к двум ключевым понятиям философии Аристотеля — потенция (*dynamis*) и акт (*energeia*), прояснение взаимосвязи между которыми играет ключевую роль в работах Агамбена. Задаваясь вопросом, каков онтологический статус утверждения «я могу», Агамбен показывает, что одной из важнейших форм потенции/способности (*potenza*) является опыт лишенности. Прояснение способа бытия такого рода опыта приводит Агамбена к фундаментальной апории аристотелевской теории потенции, согласно которой всякая способность/потенция — это одновременно и неспособность/импотенция. Предложенная итальянским философом археология понятий аристотелевской философии призвана указать не только на онтологические, но и на этические и политические проблемы западной традиции мысли, укорененные в данной апории. Предлагаемое решение поставленной проблемы Агамбен связывает с выработкой такого режима (модальности) бытия, который удерживает всякую способность/потенцию от ее полного исчерпания в действии (актуализации). Прочитывая аристотелевское учение о потенции как археологию субъективности, итальянский философ закладывает основания для собственного понятия *форма-жизни*, которое является центральным для его проекта *Homo Sacer*.

Ключевые слова: Аристотель; потенция (*dynamis*); акт (*energeia*); способность/неспособность.

Вступительное замечание переводчика

В данном эссе Джорджо Агамбен анализирует категорию потенции (*potenza*, что соответствует греческому понятию *dynamis*) в применении к природе мышления как сферы абсолютной возможности. Понятие потенции является стратегическим в мысли Агамбена: возврат к совокупности значений, на которые новоевропейская мысль разложила эту категорию, выработав для каждого отдельную лексику, то есть встреча их в едином термине, составляет одну из ключевых интенций его исследования. В этой связи мы избрали стратегию единого перевода слова *potenza*, в разных контекстах соответствующего значению русских слов «способность», «сила», «мощь», «возможность», «могущество», как потенция. Лишь в тех случаях, когда стилистические нормы русского языка в конкретном контексте не допускают употребление этого термина, мы прибегали к редуцирующему синониму, всякий раз указывая в квадратных скобках исходный термин. Во всех иных случаях квадратные скобки (в которых, как правило, указывается греческий оригинал термина или словосочетания) применяются автором.

Дарья Фарафонова

Что значит «я могу»

ПОНЯТИЕ потенции имеет в западной философии долгую историю и, по крайней мере начиная с Аристотеля, занимает в ней центральное место. Аристотель противопоставляет — и вместе с тем связывает — потенцию (*dynamis*) и акт (*energeia*), и эта оппозиция, которая проходит через всю его метафизику и физику, была передана им в наследство сперва философии, а затем науке Средневековья и Нового времени. Если я решил здесь сегодня поговорить о понятии потенции, то это не связано с целями чисто историографического характера. Для меня речь не идет о том, чтобы вернуть актуальность давно канувшим в забвение философским категориям; я, напротив, убежден в том, что это понятие никогда не прекращало действовать в жизни и в истории, в мышлении и практике той части человечества, которое до такой степени нарастило и развило свою *потенцию* [*potenza*], что по всей планете навязало свою *власть* [*potere*]. Скорее, следуя совету Витгенштейна, соглас-

но которому философские проблемы становятся более понятными, если мы переформулируем их как вопросы о значении слов, я мог бы заявить тему моего исследования как попытку понять значение словосочетания «я могу». Что мы имеем в виду, когда говорим «я могу», «я не могу»?

В коротком предисловии к поэме «Реквием» Анна Ахматова рассказывает о том, как появились эти стихи. Были годы ежовщины, и поэтесса многие месяцы провела в тюремных очередях Ленинграда в надежде что-то узнать о своем сыне, заключенном под стражу за политические преступления. Вместе с ней в очереди стояли десятки других женщин, которые встречались там каждый день. Как-то утром одна из них узнала ее и спросила: «А это вы можете описать?» После короткого молчания Ахматова промолвила: «Могу».

Я не раз задавался вопросом, что именно Ахматова хотела этим сказать. Может быть, что ее поэтический талант столь велик, что ее умение обращаться с языком позволяет описать такой страшный опыт, едва ли передаваемый в слове? Не думаю. Для каждого человека когда-то наступает момент, когда он должен произнести это «я могу», которое не соотносится ни с какой уверенностью, ни с какой-либо специфической способностью и которое все же его всецело вовлекает и обязывает. Это «я могу» за пределами всякой способности и вне всякого практического умения, это утверждение, которое ничего не означает, тут же ставит субъект перед самым, возможно, требовательным — и все же неотвратимым — опытом, с которым ему дано соизмерить себя: опытом потенции.

Что такое способность [*facoltà*]

Здесь, однако, возникает вопрос: почему чувства не воспринимают самих себя [*tōn aisthēseōn ... aisthēsis*]? Почему они не вызывают ощущения без чего-то внешнего, хотя они и содержат в себе огонь, землю и другие элементы, которые сами по себе ощущаются? Так происходит оттого, что способность ощущения [*to aisthêtikon*] не есть нечто в действии, а существует лишь в возможности [*dynamêi monon*]. Поэтому сама она не испытывает ощущения — подобно тому, как горячее само по себе не возгорается без зажигательного вещества; в про-

тивном случае оно бы само себя поглощало и не нуждалось бы в действующем огне [*entelecheiai* ... *ontos*]¹.

Мы настолько привыкли мыслить чувствительность как способность души, что этот отрывок из трактата «О душе» (417a 2–9) будто бы не составляет никакой сложности для истолкования. Вокабуляр потенции настолько глубоко проник в наше мышление, что мы не замечаем, что в этих строках впервые являет себя фундаментальная проблема, которая как таковая открыто заявляет о себе в истории западной мысли лишь в некоторые решающие ее моменты (в мысли Нового времени один из таких моментов — наследие Канта). Эта проблема, то есть исходная проблема потенции, возмущает себя в вопросе: «Что означает иметь способность? Каким образом существует нечто такое, как „способность“?».

В Древней Греции чувствительность, интеллект и тем более воля не воспринимались как «способности» субъекта. Само слово *aisthēsis* по своей форме есть название действия на *-sis*, выражающее реальную деятельность. Каким же тогда образом ощущение может существовать без ощущения, *aisthēsis* — в состоянии анестезии? Эти вопросы тут же подводят нас к проблеме того, что Аристотель именует *dynamis*’ом, потенцией (важно помнить, что этот термин означает как силу [*potenza*], так и возможность [*possibilità*], и что два этих значения не должно разделять — чем, увы, грешат современные переводы). Когда мы говорим о том, что человек обладает «способностью» видеть, «способностью» говорить (или, как писал Гегель, а Хайдеггер по-своему воспроизвел, — «способностью» к смерти), когда мы попросту утверждаем, что что-то «не в наших силах»², мы уже находимся в сфере потенции. Иными словами, термин «способность» выражает то, каким образом некая деятельность отделяется от самой себя и присваивается субъектом, — то, каким образом живущий «обладает» своим жизненным праксисом. Нечто такое, что может быть определено как «способность» чувствовать, разграничивается от действительного чувствования [*sentire in atto*], которое через это разграничение может соотноситься собственно с субъектом. В этом смысле аристотелевское учение о потенции содержит в себе археологию субъектив-

1. Аристотель. О душе // Сочинения: В 4 т. М.: Мысль, 1976. Т. 1. С. 405. Перевод изменен.

2. *Non è nelle mie facoltà*, букв.: «вне моих способностей». — Здесь и далее примечания переводчика.

ности: оно представляет собой способ, посредством которого проблема субъекта являет себя мысли, еще не имеющей представления о нем. *Hexis* (от *echo*, иметь) — навык [*abito*³], способность — есть имя, которое Аристотель дает этому не-существованию ощущения (и других «способностей») в живущем. То, что таким образом «имеется», не есть простое отсутствие: скорее, оно имеет форму лишенности (в лексиконе Аристотеля *sterēsis*, лишенность, стратегически соотносится с *hexis*), то есть чего-то такого, что свидетельствует о наличии чего-то не осуществленного в действии. Обладать некоей потенцией, обладать какой-то способностью означает обладать лишенностью. Поэтому чувство не воспринимает само себя подобно тому, как горячее само себя не воспламеняет. Следовательно, потенция есть *hexis* неким *sterēsis*'ом: как сказано в «Метафизике» (1019b 5–8), «способное [*potente*] является таковым потому, что у него что-нибудь есть, а иногда потому, что оно этого чего-то лишено. Если лишенность есть в некотором смысле *hexis*, то способное является таковым как потому, что оно обладает неким *hexis*'ом, так и потому, что оно обладает его *sterēsis*'ом»⁴.

Обладать лишенностью

То, что Аристотеля интересует эта вторая форма потенции (обладание лишенностью), явствует из отрывка «О душе», следующего за цитатой, из которой мы исходим в нашем рассуждении. Аристотель проводит здесь разграничение (417a 21 и далее) между общей потенцией, которую мы подразумеваем, когда говорим о способности [*potenza*] ребенка к изучению наук, о том, что он потенциальный архитектор или глава государства, от потенции того, кто уже обладает *hexis*'ом, соответствующим некоему конкретному знанию или определенному навыку [*abilità*]. Именно в этом смысле

3. Как ниже замечает Агамбен, *abito* — отглагольное существительное, восходящее к латинскому *habere*, иметь; его полисемия имеет здесь глубокий стратегический смысл, ведь этот термин означает одновременно «имение», «платье», «костюм», «облачение», но также и «привычку», «навык», а в устаревшем употреблении — «нрав» в смысле «обычай». Потенциальность «обладания», таким образом, ассоциируется с чем-то подспудно определяющим вероятный ход жизни, ее «оболочку», заданную совокупностью обычаев и установок. Не случайно в современном итальянском языке *abitudine* — привычка — восходит именно к этому этимону.

4. Он же. Метафизика // Сочинения: В 4 т. М.: Мысль, 1976. Т. 1. С. 163. Перевод изменен.

говорят, что архитектор обладает способностью [буквально: имеет потенцию] возводить здания даже в тот момент, когда он этого не делает, или что музыкант способен играть на кифаре и тогда, когда он ничего не исполняет. Потенция, о которой здесь идет речь, сущностно отличается от общей потенции, присущей ребенку. Ребенок, пишет Аристотель, способен [*potente*] в том смысле, что он должен претерпеть некое изменение посредством обучения; тот же, кто уже обладает неким умением, не должен претерпевать изменение: он способен благодаря *hexis*'у, который он может не приводить в действие, либо же привести в действие, переходя от неосуществленности к осуществлению (*ek tou... mē energein de, eis to energein*, 417a 32—417b 1). То есть потенция, по сути, определяется через возможность ее не-осуществления — так же, как и *hexis* означает расположенность к лишенности. Иными словами, архитектор обладает способностью [*è potente*], поскольку он может не-сооружать, а музыкант, играющий на кифаре, является таковым потому, что, в отличие от того, кто способен к игре лишь в общем смысле и попросту не может играть на кифаре, может не-играть на кифаре.

Именно так Аристотель в «Метафизике» отвечает на положения мегариков, небезосновательно утверждающих, что потенция существует лишь в действии (*energē monon dynasthai, hotan de mē energē ou dynasthai*, 1046b 29–30). Если это так, возражает Аристотель, то мы не могли бы считать архитектора архитектором в тот момент, когда он не сооружает зданий, как не могли бы называть врачом врача в тот момент, когда он не исполняет свое дело. Под вопросом, таким образом, оказывается способ бытия потенции, которая существует в форме *hexis*'а, власти над лишенностью. Существует форма, присутствие того, что не пребывает в осуществленности, и это лишующее присутствие и есть потенция. Как Аристотель безапелляционно утверждает в одном удивительном пассаже «Физики»: «*Sterēsis*, лишенность, — что-то вроде формы [*eidos ti*, своего рода облик, вид: *eidos* от *eidenai*, „видеть“]» (193b 19–20)⁵.

О ТЬМЕ

Один из самых знаковых образов этого лишующего присутствия в трактате «О душе» — образ тьмы (*skotos*). Аристотель

5. Он же. Физика // Сочинения: В 4 т. М.: Мысль, 1981. Т. 3. С. 85. Перевод изменен.

рассуждает здесь об органах чувств, главным образом о зрении (418a 26—418b 31). Он говорит о том, что предметом зрения является цвет, а также нечто такое, чему мы не можем дать названия, но что он предлагает называть прозрачным (*diaphanes*). Этот термин в данном случае относится не просто к прозрачным веществам—таким, как вода или воздух,—но к определенному «естеству» (*physis*), в них присутствующему и составляющему то, что является непосредственно зримым в каждом теле. Аристотель не определяет это естество, ограничиваясь лишь констатацией его существования (*esti de ti diaphanes*, «имеется нечто прозрачное»); он, однако же, утверждает, что действием этого естества как такового является свет, а тьма—его потенция (418b 9–10). Если же свет является, как он пишет далее, цветом прозрачного в действии (*to de phōs hoion chrōma esti tou diaphanous, hotan ē entelecheia diaphanes*), то не будет ошибкой определить тьму, которая есть *sterēsis* света, как цвет потенции. В любом случае, это одно и то же естество, которое бывает то тьмой, то светом (*ē gar autē physis hote men skotos hote de phōs estin*, 418b 31—419a 1).

(Стало быть, общее место, согласно которому древняя метафизика является метафизикой света, не совсем корректно. Скорее, речь идет о метафизике прозрачного, этого безымянного *physis*'а, способного как к тьме, так и к свету.)

Несколькими страницами далее, говоря о здравом смысле, Аристотель задается вопросом, как же так происходит, что, когда мы видим—мы чувствуем, что видим (*aisthanometha hoti horōmen*, 425b 12), и когда слышим—чувствуем, что слышим. Что же касается зрения, возможно, так происходит потому, что мы чувствуем факт видения неким иным органом чувства—либо же потому, что ощущаем его посредством самого зрения. Ответ Аристотеля: мы ощущаем, что видим, тем же органом чувства, благодаря которому мы видим. Однако здесь заключена апория:

Ведь если воспринимать зрением—значит видеть, а видят цвет и сам предмет, имеющий цвет, то для того, чтобы видеть это видящее, первое видящее [*to horōn prōron*] также должно иметь цвет. Поэтому ясно, что восприятие зрением не однозначно: ведь, когда мы и ничего не видим, мы все же различаем зрением тьму и свет. Значит, и само видящее начало каким-то образом причастно цвету [425b 17–25]⁶.

6. Он же. О душе. С. 425. Перевод изменен.

В этом удивительном пассаже, в котором проблема потенции выявляет свою сущностную связь с проблемой самоаффицирования [*autoaffezione*], Аристотель вновь поднимает и развивает изначальный вопрос: «Почему в отсутствие внешних предметов нет чувствования самих чувств?», на который он изначально дал ответ, утверждая, что ощущение существует в потенции, а не в действии. Последующие рассуждения помогают лучше уяснить смысл этого утверждения. В тот момент, когда мы не видим (то есть когда наше зрение пребывает в потенции), мы все же отличаем тьму от света: мы, если можно так выразиться, видим темноту как цвет зрения в потенции. Видящее начало «неким образом окрашено», и цветами его являются тьма и свет, потенция и действие, лишенность и наличие. Это означает, что чувствовать факт видения оказывается возможным потому, что видящее начало существует и как способность [*potenza*] видеть, и как способность не-видеть, притом последняя не есть простое отсутствие: она есть нечто существующее, *hexis* некоей лишенности.

Современная нейрофизиология зрения, по видимости, согласуется с заключениями Аристотеля. В отсутствие источников света, или когда мы закрываем глаза, мы не видим внешних предметов, но для нашей сетчатки это не означает отсутствия какой бы то ни было деятельности. Как раз напротив, происходит следующее: отсутствие света приводит в действие ряд периферических клеток, именуемых *off-cells*, и они производят особое самоаффицирование сетчатки, которое мы называем темнотой. Тьма действительно является цветом потенции, а потенция, в сущности, есть доступность некоего *sterêsis'a*, это способность не-видеть.

Способность [потенция] к тьме

В своем комментарии к трактату «О душе» Фемистий с особой пронизательностью улавливает основные импликации, проистекающие из этого пассажа:

Если бы чувство не обладало потенцией как к действию (*atto*), так и к неосуществленности (*non-essere-in-atto*), если бы оно всегда пребывало лишь в действии, оно никогда бы не могло ни воспринимать тьму [*tou skotous*], ни слышать тишину; точно так же — если бы мысль [*nous*] не была способной как

к мышлению, так и к не-мышлению [*anoian*], она бы никогда не смогла познать зло, бесформенность [*amorphon*], безобразность [*aneidon*] <...>. Если бы мысль не имела общего с потенцией, ей были бы неведомы лишения [*tas sterêseis*].

Величие — как и ничтожество — человеческой потенции в том, что она, кроме прочего и прежде всего, есть потенция не переходить в действие, это потенция к тьме. Если учитывать, что *skotos* в языке Гомера означает прежде всего мрак, охватывающий человека в момент смерти, то становится возможным уяснить все следствия, проистекающие из этого двоякого назначения потенции. То измерение, которым она наделяет человека, есть познание лишения — а стало быть, самая что ни на есть мистика, понимаемая как тайное основание всякого человеческого познания и действия (средневековое представление о «мистическом» Аристотеле, *Aristoteles mysticus*, обнаруживает здесь свою обоснованность). Действительно, если бы потенция была лишь потенцией видеть или производить действия, если бы она существовала как таковая лишь в реализующем ее действии (такого рода потенцию Аристотель называет естественной и приписывает ее лишенным логики началам и животным), то мы бы никогда не могли прожить опыт темноты и потери чувствительности, никогда не могли бы познать *sterêsis*, а значит, и управлять им. Человек — властелин лишения, поскольку более, чем это верно для любого иного живущего, его удел — потенция. Но это также означает, что он ей всецело придан и вверен в том смысле, что всякая его способность к действию конститутивно являет собой способность к не-действию, всякое его познание — способность к не-познанию.

Всякая способность есть неспособность [всякая потенция есть импотенция]

В книге девятой «Метафизики» Аристотель попытался наиболее исчерпывающе подойти к проблемам двойственности и апорий теории потенции. Возможно, решающий момент этой попытки содержится в тех местах, где он определяет структурную сопринадлежность способности и неспособности. «Неспособность [*adynatía*]», как он пишет (1046a 29–31), «есть лишенность, обратная потенции [*dyna-*

mei]. Всякая способность [потенция] есть неспособность того же и по отношению к тому же [потенцией чего она является: *tou autou kai kata to auto pasa dynamis adynamia*]⁷. *Adynamia*, «импотенция», означает в данном случае не отсутствие всякой потенции, но потенцию-не (переходить в действие), *dynamis mē energein*. Таким образом, в этом утверждении содержится определение особой двойственности всякой человеческой потенции, которая в своей исконной структуре поддерживает связь с собственной лишенностью, она всегда — и по отношению к тому же — есть потенция быть и не быть, делать и не делать. Именно эта связь и составляет, по Аристотелю, сущность потенции. Живущий, существующий в модусе потенции, способен [буквально: может] к собственной импотенции, и лишь в этом модусе он владеет собственной потенцией. Он может быть и делать, потому что он удерживает связь с собственным не-бытием и не-деланием. В потенции чувство всегда конститутивно является отсутствием ощущений, мысль — не-мыслью, деятельность — бездеятельностью.

Несколькими строчками ниже Аристотель дополнительно уточняет этот двойственный статус человеческой потенции: «То, что обладает потенцией [*to dynaton*], может [*endechetai*] не быть в действии [*mē energein*]. То, что обладает потенцией быть, может как быть, так и не быть. Ведь одно и то же обладает потенцией и быть и не быть [*to auto ara dynaton kai einai kai mē einai*]» (1050b 10–12). *Dechomai* означает «принимаю, получаю, допускаю»⁸. Возможное [у Аристотеля: *potente*, могущее] есть то, что принимает не-бытие и дает ему свершаться, и это принятие не-бытия определяет потенцию как пассивность и фундаментальное страдание. Именно в этом двояком характере потенции, как явствует из термина, которым Аристотель обозначает контингентное [*to endechomenon*], и коренится проблема контингентности, возможности не быть.

Если мы вспомним, что в «Метафизике» примеры потенции-не почти всегда заимствуются из сферы человеческих техник и познаний (грамматика, музыка, архитектура, медицина и т. д.), то тогда мы можем сказать, что человек является живущим, по преимуществу существующим в измерении потенции — то есть способности и не-способности [власти делать — и власти не делать]. Всякая человеческая

7. Он же. Метафизика. С. 235. Перевод изменен.

8. Там же. С. 247. Перевод изменен.

способность (потенция) есть исконно и структурно также и неспособность (импотенция); всякая способность-быть или способность-делать состоит для человека в структурном отношении с собственной лишенностью. Таков исток безмерности человеческой потенции, столь превосходящей по силе и действенности потенцию других живых существ. Другие живущие способны лишь к собственной специфической потенции⁹, они способны только к тому или иному поведению, предписанному им их биологической предрасположенностью; человек же есть животное, которое *способно к собственной неспособности*¹⁰. Величие его способности (потенции) измеряется пропастью его неспособности (импотенции).

Потенция, не свобода

Можно было бы поддаться искушению усмотреть в этом учении о двойственной природе потенции локус, в котором проблема свободы в Новое время могла бы найти свое основание. Поскольку свобода как проблема проистекает из того обстоятельства, что всякая власть тут же является также и властью-не, всякая потенция есть импотенция. Подлинно свободным в этом смысле был бы не тот, кто попросту может совершить то или иное действие — как и не тот, кто может его не совершать; но тот, кто, сохраняя связь с собственной лишенностью, способен к неспособности.

Почему же в таком случае Аристотель не только никогда не упоминает в этом контексте термина «свобода», но и вообще никоим образом не касается проблемы воли и решения? Конечно, как убедительно показал Шломо Пинес, для древнего грека понятие свободы определяет *статус* и социальное положение, а не нечто такое, что может быть отнесено к опыту и воле субъекта, как его принято понимать в Новое время. Но принципиально важно, что для Аристотеля потенция, будучи определена как *hexis* лишенности, как потенция не-делать и не-быть, не может быть присвоена субъекту в качестве права или свойства. В философском словаре, содержащемся в книге четвертой «Метафизики» (1022b 7–10), говорится о том, что если *hexis* есть связь обладающего с об-

9. Букв.: «могут лишь собственную специфическую потенцию, они могут лишь то или иное поведение».

10. Букв.: «может собственную немощь (*pud la propria impotenza*)».

ладаемым, то «невозможно обладать *hexis*’ом [*echein hexin; habitus*, как мы видели, — отглагольная форма от «иметь»], ведь можно было бы продолжать до бесконечности, если можно было бы обладать именем (*abito*) того, чем обладают»¹¹.

То обстоятельство, что *hexis* некоей потенции, в свою очередь, не может быть объектом обладания, означает невозможность субъекта в современном смысле слова, то есть невозможность саморефлексирующего сознания как центра распределения способностей [*facoltà*] и навыков [*abiti*]. Но это также означает и то, что проблема потенции не имеет для грека — что, вероятно, справедливо — ничего общего с проблемой свободы субъекта.

Ничего не будет неспособного

Настало время ближе подойти к проблеме отношений между потенцией и импотенцией, между способностью и способностью-не. Действительно, как может потенция перейти в действие, если всякая потенция уже всегда есть потенция не переходить в действие? И каким образом мы можем помыслить действие потенции-не? Ведь способность играть на фортепиано для пианиста, проявленная в действии, есть, разумеется, исполнение произведения на фортепиано; но каковой будет для него проявленная в действии его потенция не играть? И что происходит с этой потенцией не играть в тот момент, когда он начинает играть? Так, действие потенции мыслить будет состоять в обдумывании той или иной мысли; но каким образом можно помыслить действие потенции не-думать? Может быть, эти две потенции настолько асимметричны и разнородны, что эти вопросы просто лишены смысла? И все же, если, выражаясь словами Аристотеля, «всякая потенция есть в то же время импотенция того же и по отношению к тому же», проблема дальнейшей судьбы неспособности при переходе в действие не может быть попросту отмечена.

Ответ, который Аристотель дает на эти вопросы, при всей его безапелляционной краткости являет собой одно из самых высоких проявлений его философского гения; тем не менее этот ответ так и не был услышан в традиции философии:

11. Он же. Метафизика. С. 171. Перевод изменен.

Esti de dynaton touto ô ean hyparxê ê energieia ou legetai echein tên dynamin, outhen estai adynaton [Метафизика, 1047a 24–25].

Возможным является то, в отношении чего при осуществлении действия, возможностью которого оно названо, ничего не будет невозможным¹².

Согласно традиционному прочтению этого утверждения, Аристотель будто бы хочет сказать: возможно то, в отношении чего ничто не является невозможным. Еще Хайдеггер в своем курсе, посвященном книге девятой «Метафизики», иронизировал над «пустой изощренностью» толкователей, которые с «плохо скрываемым чувством торжества» приписывают Аристотелю подобную тавтологию. Однако та невозможность [*impotenza*], про которую говорят, что при переходе в действие она ничем не станет, — не может быть не чем иным, как *adynami*’ей, которая, согласно Аристотелю, принадлежит всякому *dynamis*’у: это потенция-не (быть или делать). Поэтому правильным был бы следующий перевод: «Возможным является то, для чего при осуществлении действия, потенцией которого оно предположительно обладает, ничего не будет способного (быть или делать)». Но как же тогда понимать это «ничего не будет способного не?» Каким образом потенция может нейтрализовать импотенцию, которая ей сопринадлежит?

В одном отрывке трактата «Об истолковании» содержатся некоторые ценные указания. В плане отрицания модальных высказываний Аристотель различает и одновременно связывает воедино проблему потенции и проблему модального высказывания. Если отрицание модального высказывания должно отрицать модус, а не *dictum*¹³ (в связи с чем отрицание утверждения «возможно, что наличествует» будет выглядеть как «невозможно, что наличествует», а отрицание «возможно, что не наличествует» — как «невозможно, что не наличествует»), то в плане потенции все обстоит иначе, отрицание и утверждение не исключают друг друга. «Поскольку то, что возможно, не всегда пребывает в действии, — пишет Аристотель, — то и отрицание ему принадлежит: ведь может не ходить то, что способно ходить, и может не видеть

12. Там же. С. 238. Перевод изменен. Букв.: Мόгущим (*potente*) является то, для чего при свершении действия, потенцией которого оно названо, ничто не будет немόгущим (*impotente*).

13. Высказанное (*lat.*).

то, что способно видеть» (21b 14–16)¹⁴. Поэтому в книге девятой «Метафизики» и в трактате «О душе» отрицание потенции (или, скорее, лишенность ее), как мы видели, всегда имеет форму «может не» (и никогда — «не может»). «Поэтому представляется, что выражения „возможно, что наличествует“ и „возможно, что не наличествует“ следуют одно из другого, поскольку одно и то же может быть и не быть. Следовательно, высказывания такого рода не противоречат друг другу. Напротив, высказывания „возможно, что наличествует“ и „невозможно, что наличествует“ никогда не идут в связке» (21b 35 — 22a 2)¹⁵.

Если мы назовем лишенностью статус отрицания в потенции, то как тогда понимать в привативном смысле двойное отрицание, содержащееся во фразе «Ничего не будет способного не (быть или делать)»? Коль скоро она не противоречит потенции быть, потенция не быть не должна здесь просто обнуляться, но, обращаясь на самое себя, она будет принимать форму способности не-не быть. Иными словами, привативное отрицание «мóгущего не быть» — это «мóгущее не-не быть» (а не «не мóгущее не быть»).

Стало быть, то, о чем говорит Аристотель в анализируемом отрывке, значимо разнится с тем, что приписывает ему тавтологическое прочтение современных комментаторов, представляя собой куда больший интерес. *Если некая потенция-не-быть изначально принадлежит всякой потенции, то истине мóгущим будет лишь тот, кто в момент перехода в действие не обнулит попросту свою потенцию-не, не оставит ее позади действия, но позволит ей полностью перейти в него как таковую; иными словами, он сможет не-не перейти в действие.*

Дар и спасение

Теперь мы можем ответить на поставленные нами вопросы: Что происходит с потенцией-не в тот момент, когда действие осуществляется? Как можно помыслить действие потенции-не? Предлагаемая нами интерпретация обязывает нас по-новому и небанально осмыслить отношения между потенцией и действием. Переход в действие ни обнуляет, ни исчерпывает потенцию: она сохраняется в действии как

14. Он же. Об истолковании // Сочинения: В 4 т. М.: Мысль, 1978. Т. 2. С. 108. Перевод изменен.

15. Там же. С. 109. Перевод изменен.

таковая, по преимуществу в своей основной форме потенции-не (быть или делать). Аристотель прямо говорит об этом в одном месте трактата «О душе» (417b 2–7), все решающие импликации которого мы теперь вполне можем уяснить:

Претерпевание [*paschein*] — не простой термин; он, с одной стороны, подразумевает некое уничтожение посредством противоположного, а с другой — скорее сохранение [*sôtêria*] того, что в потенции, в том, что в действии; при этом оно ему подобно таким же образом, каким потенция [сохраняется] относительно действия. Ведь тот, кто владеет знанием, становится созерцающим в действии [*theôroun*], и это не есть изменение [*alloiousthai*, «становиться другим»], поскольку здесь налицо дар самому себе [*eis hautō... epidosis*] и действию¹⁶.

Потенция (единственная, интересующая Аристотеля, потенция претерпевать от *hexis*'а) не переходит в действие, претерпевая разрушение или изменение; ее *paschein*, ее пассивность состоит, скорее, в сохранении и усовершенствовании себя (*epidosis*, буквально «добавочный дар», означает также «наращивание»: в переводе Вильгельма из Мербеке — *in ipsum id additio*, а в примечании Фемистия — *teleiōsis*, «свершение»).

Нам еще предстоит осознать все, что вытекает из этого представления о потенции, которая, принося себя в дар самой себе, сохраняется и наращивается в действии. Она обязывает нас не только к тому, чтобы переосмыслить отношение между потенцией и действием, между возможным и реальным, но и к тому, чтобы по-новому осмыслить в плане эстетики статус действия творения и произведения, а в плане политики — проблему сохранения власти учредительной во власти учрежденной. Но вопрошанию должно быть подвергнуто все понимание живущего, если верно то, что жизнь должна мыслиться как потенция, которая непрерывно превосходит собственные формы и реализации. И, возможно, лишь отталкиваясь от этого видения мы наконец сможем понять природу мысли, если истинно — как непрестанно повторяет Аристотель, — что именно потенция определяет сущность. Как он пишет в заключительном пассаже трактата «О душе» (429b 5–9):

16. Он же. О душе. С. 406. Перевод изменен.

Когда [мысль] стала каждым [мыслимым] в том смысле, в каком говорят о сведущем как о действительно знающем (а это происходит, когда он сам способен перейти к действию), она и в этом случае все же остается некоторым образом в потенции <...> и может помыслить самое себя¹⁷.

То, что философская традиция приучила нас считать вершиной мысли — и вместе с тем самым каноном *energeia* и чистого действия, то есть мыслью о самой мысли, — поистине является высшим даром потенции самой себе, совершенной фигурой потенции мысли.

Библиография

Аристотель. Метафизика // Собр. соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1975. Т. 1. С. 63–367.

Аристотель. О душе // Собр. соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1975. Т. 1. С. 371–448.

Аристотель. Об истолковании // Собр. соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1978. Т. 2. С. 93–116.

Аристотель. Физика // Собр. соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1981. Т. 3. С. 61–262.

The Potency of Thought

Giorgio Agamben. European Graduate School (EGS), Saas-Fee, Switzerland, gioagamben@yahoo.it.

This publication is the first translation into Russian of a text that is key to understanding Giorgio Agamben's philosophical project. First presented in the form of a paper at a conference in Lisbon in 1987, this text is known to the general reader under the title "On Potentiality", published in the English-language collection *Potentialities* (1999). The translation is based on an expanded and refined version of the text, which was first published in Italian in 2005. The article is a detailed commentary on two key concepts of Aristotle's philosophy — potentiality (*dynamis*) and actuality (*energeia*) — clarifying the relationship between them, which plays a key role in Agamben's works. Wondering about the ontological status of the statement "I can," Agamben shows that one of the most important forms of potency (*potenza*) is the experience of deprivation. Clarifying the mode of existence of this kind of experience leads Agamben to the fundamental aporia of the Aristotelian theory of potency, according to which every capacity/potency is at the same time its own incapacity/impotency. The proposed archaeology of the concepts of Aristotelian philosophy aims to highlight not only the ontological but also the ethical and political problems of the Western tradition of thought rooted in this aporia. Agamben links the proposed solution to the posed problem with the development of a mode (*modality*) of being that prevents every capacity/potency from being fully exhausted in action (*actualization*). By reading the Aristotelian doctrine of potency as an archaeology of subjectivity, Agamben lays the foundations for his own concept of form-of-life, which is central to his *Homo Sacer* project.

17. Он же. О душе. С. 434. Перевод изменен.

Keywords: *Aristotle*; *potency (dynamis)*; *act (energeia)*; *capacity/incapacity*.

DOI: 10.58186/2782-3660-2023-3-2-6-23

References

- Aristotle*. Ob istolkovanii [On Interpretation]. *Sobr. soch.: V 4 t.* [Collected Works: In 4 vols], vol. 2, Moscow, Mysl', 1978, pp. 93–116.
- Aristotle*. Fizika [Physics]. *Sobr. soch.: V 4 t.* [Collected Works: In 4 vols], vol. 3, Moscow, Mysl', 1981, pp. 61–262.
- Aristotle*. Metafizika [Metaphysics]. *Sobr. soch.: V 4 t.* [Collected Works: In 4 vols], vol. 1, Moscow, Mysl', 1975, pp. 63–367.
- Aristotle*. O dushe [On the Soul]. *Sobr. soch.: V 4 t.* [Collected Works: In 4 vols], vol. 1, Moscow, Mysl', 1975, pp. 371–448.